

УДК 002(09)

Т.Г. Недзелюк

**МЕТРИЧЕСКИЕ КНИГИ СИБИРСКИХ КАТОЛИЧЕСКИХ ПРИХОДОВ
КАК РЕПРЕЗЕНТАТИВНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК***

Представлены материалы о порядке ведения метрических книг в Российской империи. Данный вид исторических источников охарактеризован с точки зрения содержания, репрезентативности. В качестве модели для анализа выбраны метрические книги сибирских католических приходов.

Ключевые слова: метрическое свидетельство, церковные книги, метрикация.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона дает следующее определение: «Метрические книги – публичные книги для записи рождений, браков, смертных случаев и др. подобных событий. Помимо своего гражданско-правового значения, метрические книги служат важным статистическим материалом» [1. С. 201]. Мы вполне согласны с предлагаемым определением, особенного внимания заслуживает указание на важность и репрезентативность сведений, которые предоставляют исследователю источники данного рода.

Первые упоминания о метрикации и порядке ведения церковных книг относятся к XVI в. Тридентский собор (1545–1563 гг.) разработал порядок их ведения. Предписывалось, чтобы в книгах крещений отмечались день и час рождения, а в книги бракосочетаний заносились не только имена венчаемых, но также имена их родителей, фиксировались полученные диспенсации (освобождения), а если один из брачующихся вдовствовал – то и имя умершего супруга. В Российском государстве первые попытки введения церковно-приходских метрических книг были предприняты в XVII в., в Малороссии. Львовский епископ Иосиф Шумлянский в своей книге «Метрика, которая что значитъ, для чего и якъ давно есть в Церквѣ Божией, тут вкоротце описуется», вышедшей во Львове в 1686 г., ссылается на созванный в Киеве Петром Могилою «метрополитанский собор» 1646 г., «которым постановлено было, чтобы каждый священник вел метрические книги»; но, прибавляет Иосиф Шумлянский, «после Могилы метрические книги были заброшены» [1. С. 203].

В Московской Руси первое постановление относительно метрикации и церковных книг относится к 1702 г., когда Петром Великим издан был указ, чтобы все приходские священники города

Москвы доставляли в Патриарший духовный приказ еженедельные ведомости обо всех случаях рождений и погребений. Однако регулярное ведение метрических книг прижилось в России гораздо позже. В 1806 г. были введены единые печатные формы книг. Не обошлось и без злоупотреблений. Так как метрическая запись представляла в стране, не имеющей паспортной системы, основной документ, удостоверяющий личность, появилась коррупция. В 1825 г. Синод предписал архиереям «искоренять взяточничество, привившееся к ведению актов состояния, особенно в консисториях» [1. С. 203].

О важности единой системы метрикации свидетельствует стремление государственной власти её унифицировать и регламентировать. Законы относительно постоянного и правильного ведения метрических книг появились: в 1826 г. – для католиков, в 1828 и 1838 гг. – для магометан, в 1832 г. – для лютеран, в 1835 г. – для евреев. Совокупностью всех этих законов ведение метрических книг было вверено духовенству соответствующих исповеданий [2. С. 34–37].

Обер-секретарь Святейшего Синода и преподаватель церковного права в Духовной академии Т. Барсов в 1885 г. опубликовал в Синодальной типографии Санкт-Петербурга, официальном издательстве, «Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания». Побудительным мотивом послужили следующие обстоятельства: «При отсутствии официального свода законов, принадлежащих к управлению духовных дел православного исповедания, время от времени и под разными заглавиями появляются частные издания, которые поставляют задачу знакомить как с полным кругом ду-

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 11-11-54002а/Т.

ховных законов, так и с частными узаконениями, относящимися к известной отрасли православного духовного ведомства... В видах удовлетворения этой потребности составитель, располагая запасом и теоретических, и практических сведений в области законодательства, пришел к мысли издать руководство, которое, хотя бы несколько, восполнило отсутствие официального свода законов» [3. С. XVII]. Характерно, что составитель не предназначил своего сборника специально для какого-либо определенного круга читателей или учреждений. Изданное в качестве официального, получившее одобрение светских властей, оно должно было отныне стать практическим руководством для делопроизводства в канцеляриях и пособием для юристов-практиков. Источниками, из которых составитель извлек для сборника постановления, послужили: Свод Законов Российской империи, Полное Собрание Законов Российской империи, включающее указы и доклады, удостоенные Высочайшего утверждения, а также Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания, в котором помещены постановления и распоряжения, извлеченные из документов и дел Архива Святейшего Синода. В главах XLVIII и XLIX отдела VII части III систематизированы сведения «О церковных документах» и «О выдаче метрических свидетельств и выписей из метрических книг и о порядке собирания и опубликования сведений из церковных документов», регламентирован порядок взимания и размер гербового сбора «с свидетельств, выписей и справок, выдаваемых из церковных документов» [3. С. 484]. Аналогичный труд, компилирующий нормативный материал, обобщающий сложившуюся практику и резюмирующий весь комплекс зачастую неоднозначных и противоречивых отношений между светской иерархией, администрациями государственно-православной и римско-католической церквей, помещен в «Церковной энциклопедии» католиков, вышедшей в 1881 г. в Варшаве [4. С. 224–232].

Все метрические книги составлялись в двух экземплярах, один из которых являлся копией. В католических приходах экземпляров было не два, а три. Брокгауз и Эфрон указывают, что «...подлинные книги православных хранятся в консисториях, а копии остаются в церквях; у католиков и лютеран, по истечении года, отсылаются для хранения в консисторию копии...» [1. С. 204], то есть наблюдаем обратную ситуацию: оригинал всегда хранится в приходском храме, а затем сдается в местный губернский архив. Таким образом, в Центральном государственном историческом

архиве Санкт-Петербурга, куда поступили на хранение материалы римско-католической консистории, находим сегодня копии, а не оригиналы. Далее: «...общие еврейские книги хранятся в городских думах; раскольничьи метрики – в губернском правлении». Контроль метрических записей других исповеданий также поручался ведению местной светской администрации для контроля и эффективного реагирования в случае возникновения такой необходимости. Проверка метрических книг, без различия исповедания, была возложена в 1876 г. на мировых судей, а ежегодная ревизия книг гражданского состояния – на председателей мировых съездов [1. С. 204].

По общему правилу, приходские метрические книги потому так и назывались, что выдавались на весь приход в целом, однако в случаях отдаленности местности или многочисленности прихожан филиального храма либо молитвенного дома такая книга могла быть выдана целенаправленно для этой локальной общины. Так, «Метрическая книга о браке Римско-Католического костела г. Новониколаевска за 1907–1929 гг.» [5] была выдана «Томскому римско-католическому приходскому костелу на записку актов о венчаемых, совершаемых в Ново-Николаевском Римско-Католическом Молитвенном доме, перенумерованных, скрепленных и шнуроприпечатанных двести (200) листов, в чем Могилевская Римско-Католическая Духовная Консистория подписно удостоверяет. Санкт-Петербург. Июня 20 дня, 1907 г.». Данный прецедент представляет собой не общее правило, а исключение из такового; Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга, хранящий коллекцию метрических книг католических приходов России, содержит в фонде 2292 метрические книги немецких поселков Келлеровка и Мариенбург, а также пос. Спасское и Тимофеевка [6]. Вероятно, исходя из территориальной удаленности, по ходатайству Омского и Томского деканов консистория в порядке исключения выдала специальные книги для бесприходских храмов. Других таких упоминаний относительно какого-либо иного региона в консисториальном архиве нет. В сопроводительном листе к выдаваемой книге указывается дата, следуют подписи заседателя, каноника, секретаря и столоначальника, что позволяет идентифицировать её как источник репрезентативный, наделенный «областью ответственности».

Характеризуя метрические книги как документы строгой статистики, представляется возможным на их основе составить конкретно-историческое представление об изучаемом объек-

те: церковном приходе. Данный вид исторического источника содержит в себе информацию, которая позволяет определить территориальные границы прихода, временные промежутки принятия таинств, их количество, то есть интенсивность религиозной жизни в приходе, имена священнослужителей, фамилии, имена и сословную принадлежность окрещенных и повенчанных. Немаловажным фактом является дополнительная информация о месте предыдущего проживания вступающих в брак, о месте «урождения» родителей крещаемого, о полученных сепарациях (разделениях), диспенсациях (освобождениях) и принесенных обетах; все эти дополнительные сведения, как правило, вписывались карандашом рядом с основной записью. Обратимся к конкретике.

По данным метрических книг Омского приходского католического костела (табл. 1), в период с 1909 по 1918 г. здесь было окрещено 5379 человек. Больше всего обрядов крещения было совершено в 1909 и 1911 гг. Соотношение мальчиков и девочек, прошедших обряд крещения, в разные годы колебалось, но в среднем соответствовало норме для младенческого возраста: 102 мальчика на каждые 100 девочек. Крестили преимущественно именно в младенческом возрасте, но как исключения бывали случаи крещения в 2–3 года детей крестьян из отдаленных деревень. Крещаемые дети были в большинстве своем из польских семей (немецких, австрийских, украинских, белорусских значительно меньше), почти все они крещены в вере своих родителей. Случаи «перекрещивания» из другого исповедания были редки: в качестве примера можно упомянуть лишь о Матвее Бугнштейне, 1871 г. р., который 26 июня 1909 г. в Омском костеле «из юдейского вероисповедания» был обращен в католическое [6. Л. 28].

Таблица 1

Количество крещений в Омском католическом храме (1909–1918 гг.)*

Год	Мальчики	Девочки	Всего
1909	406	410	816
1910	254	263	517
1911	316	340	656
1912	202	207	409
1913	264	264	528
1914	261	249	510
1915	242	248	490
1916	222	215	437
1917	199	188	387
1918	333	285	618

*Подсчитано по: ГАОО. Ф. 348. Оп. 2. Д.14, 16, 17, 18, 21, 23, 27, 28.

В поле деятельности приходского храма входили следующие населенные пункты: деревни

Пушкинская, Мариенбург, Ново-Красновка, Келлерово, Сладководск, поселки Зеленополь, Елизаветинск, Новоград, Донской, Семеновка и, естественно, сам уездный город Омск. Однако курат (настоятель, в православной церкви – благочинный) Омской церкви совершал обряды не только в своем приходе, но и в католических часовнях, молитвенных домах Павлодара, Семипалатинска [7. Л. 24]. Даже в вагоне поезда Челябинск – Томск омским священником В. Мосеем «с совершением обрядов Св. Таинства» 28 июня 1911 г. была окрещена девочка по имени Виктория, дочь мещан г. Муroma Владимирской губ. Алексия и Гелены Балакиных (восприемниками являлись Иван и Ядвига Варнуцянские), о чем в книге регистрации была сделана соответствующая запись [8. Л. 80]. Прихожане других католических церквей, бывая в Омске, принимали здесь святые таинства. Так, крестьяне деревни Мариновка Каинского уезда Томской губернии и Андреевской волости Тюкалинского уезда Тобольской губернии – Игнатий Зимель, Антон Анкипан, Александр Шмат, Иван и Эдуард Сейпулы приобщились к таинствам в Омском приходском храме в июле 1915 г., о чем также в метрической книге имеются соответствующие записи [9. Л. 82].

У Брокгауза-Эфрона находим любопытное замечание, разрешающее многие исследовательские сомнения. «Так как приходская книга не может быть выносива из церкви, то всякая запись ... делается сначала в особой черновой книжке и затем уже переписывается в беловую книгу; когда – закон не указывает» [1. С. 203]. Становится понятным, почему в метрических книгах нередко оказывается нарушенной хронология событий, появляются имена священников, никогда не служивших в данном конкретном приходе, но бывших здесь «проездом» и т.д. Записи «черновых книжек» могли месяцы, а то и годы, ожидать перенесения в «беловую книгу». С этим связаны многие неясности относительно метрических книг Тобольского приходского римско-католического храма. Записи «разъездов» по обширной территории прихода были внесены единым комплексом в 1897 г., после того, как визитация сельских населенных пунктов была целиком завершена [10. Л. 114]. Анализ метрических книг Тобольского прихода позволяет сделать следующие наблюдения (табл. 2). Рождаемость во все годы, за исключением 1915-го, доминировала над смертностью, в численных значениях превышая её в 2–3 раза, а то и в 14 раз (1909 г.). Высоким было число заключаемых в католической общине браков, что свидетельствует о наличии в католической среде боль-

шого количества молодежи, желавшей создавать семьи и иметь детей. Пик брачности приходится на 1909–1910 и 1918–1919 гг., в годы войны браков заключалось мало, порядка 23–25 в год; создание семьи чаще всего откладывалось до окончания войны. Мужчины в подавляющем большинстве создавали семью в возрасте 24–27 лет, а девицы вступали в брак 17–19 лет от роду. Чаще всего будущие супруги являлись жителями одного либо соседних населенных пунктов. Например, 17 июля 1912 г. в пос. Хлебном кс. Пржесмыцкий венчал крестьянина пос. Васильев-Бор Утоминской вол. Тарского уезда Андрея Ивзана 27 лет с крестьянкою пос. Хлебного Гевризской вол. Тарского же уезда Анною Стукач, девицей 17 лет [11. Л. 150], а в г. Ишиме 14 июля 1913 г. кс. Иоанн Булло повенчал брак крестьянина Дубинской вол. Ишимского уезда Петра Коханского 19 лет с мещанкою г. Ишима Анелей Валейшо, девицей 17 лет [11. Л. 157]. Таким образом, видим, что имели место и межсословные браки, однако они являлись скорее исключением, чем правилом.

16 чел., из них 9 детей в возрасте от 1 месяца до 13 лет и 5 ссыльных каторжан, скончавшихся в Тобольской каторжной больнице (Юрий Николаевич Шляггер, дворянин 70 лет, Адам Малецкий 33 лет, Иероним Ложинский, Августин Матусяк, Семен Авдышев, которым к моменту смерти было по 31 году) [13. Л. 88–90]. Маленькие дети умирали в основном от чахотки, взрослые люди – от тифа. От старости в 1909 г. умерли лишь двое мещан – 70 и 81 года от роду. 1910 г. отмечен смертями девяти политических ссыльных; четверо из них умерли от паралича сердца, остальные – от чахотки (Стефан Заремба, Юстенюк Нестерович, Андрей Банасюк, Владислав Зданкевич, Николась Завадский, Владислав Новак, Иосиф Игнатович, Бронислав Мельсиоров, Генрих Хитрых) [13. Л. 93–103]. В этот год свирепствовала чахотка, она свела в могилу, кроме политкаторжан, еще 9 чел., преимущественно крестьянского сословия. Покинули эту землю 15 детей в возрасте от 15 дней до 12 лет, в том числе двое сыновей (1 год 1 мес. и 3 года 5 мес.) губернского секретаря Бржезинско-

Таблица 2

Демографические процессы в Тобольском приходе (1909–1918 гг.)*

	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916	1917	1918
Родились	221	225	117	151	182	165	190	156	67	123
Венчались	40	31	19	22	26	23	11	25	20	67
Умерли	16	48	36	19	53	94	192	63	30	71

* Подсчитано по данным: ГУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 30. Д. 53, 54, 55, 57.

Следует заметить, что дворяне-католики были по происхождению уроженцами Минской и Гродненской губерний. Чтобы нагляднее представить особенности культурно-бытового характера менталитета сибирских католиков, рассмотрим перечень их имен и фамилий, зафиксированных в метрических книгах Тобольского костела. В 1917 г. родились дети в семьях: Борбзилловских-Печокас, Борейко-Рапанис, Боцян, Волнянко, Высоцких, Грецких, Журомских, Лисовских, Литовка, Люковских, Милевских, Кассацких, Ровда-Сипко, Скуратович, Хорос, Шедко, Юшкевич, Юшко-Упеник. Среди женских имен особой популярностью у тобольских католиков пользовались: Агнесса, Анна, Антонина, Екатерина, Елена, Софья, Станислава, Янина, а среди мужских – Иван, Михаил, Осип, Павел, Станислав. Нарекали детям и традиционно польские имена: Анеля, Ванда, Ирена, Мальвина, Михалина, Казимир, Людвик, Феликс, Фридрих [12. Л. 245–255].

Печальная обязанность священников провожать в последний путь умерших также нашла свое отражение в метрических книгах: абсолютное большинство умерших – 94 и 192 чел. – приходится на военные годы. В 1909 г. умерли всего

го [13. Л. 95]. 1911 г. прошел без эпидемических вспышек: в каторжной больнице зафиксированы факты смертельных исходов от гангрены и туберкулеза легких (Осип Ксенжек 24 лет, Юзеф Идящик и Болеслав Марек – по 25 лет, Томаш Збиковский 46 лет) [13. Л. 104–110]. В 1912 г. зафиксирован лишь один случай смерти среди каторжных католиков – Марцелий Лукомский, 26 лет, умер от туберкулеза легких [13. Л. 111]. Более в тюремном замке смертей заключенных католического исповедания в последующие годы отмечено не было. 1914-й, год активных военных действий на западе страны, был отмечен захоронением на Тобольском Завальном кладбище 13 военнообязанных католиков – подданных Российской империи – и 5 военнопленных, умерших от ран и брюшного тифа [13. Л. 128–131]. В 1915 г. в Тобольске появилось огромное количество военнопленных – 105 из них умерли и похоронены на местных кладбищах [13. Л. 132–143].

Граждане Германии и Австрии сохраняли свое подданство, их дети также наследовали подданство родителей, как свидетельствуют об этом метрические книги. Так, в 1916 г. в Тобольске умерли

от дифтерии Ирма Диркс, 5 лет, гражданка Германии, и Мария Шваб, 36 лет, австриячка, от чахотки. Германские подданные Софья Рембаш-Оржеховская 1 года от роду и 15-летняя Розалия Франц нашли свой последний приют в Сибири в 1917 г., за ними последовал в 1918 г. Густав Освальд Гаупт, 27 лет, также германский подданный. Австрийские подданные закончили свой жизненный путь в больницах Шведской миссии и Красного Креста (Антон Кирхнер 28 лет, Иосиф Макс 22 лет, Штефан Иоган 34 лет), все они умерли от туберкулеза и были отпеты в Тобольском костеле [13. Л. 148–162].

В традиции административного деления России рубежа XIX–XX вв. полицейский округ именовался благочинием и на уровне обыденного сознания отождествлялся с благочинием церковно-православным. Именно этим фактом и можно объяснить происхождение следующей записи в заголовке: «Метрическая книга о рождении, браке и смерти по Томской духовной консистории Католического прихода г. Новониколаевска за 1911–1913 гг.» [14. Л. 1]. Следует прокомментировать два факта. Первый, с 1912 г. католический храм в данном населенном пункте получил статус приходского и отныне имел статус самостоятельной единицы в церковной структуре, соответственно, книги получал от своего имени, а не через Томский приход. Второй, Томская духовная консистория являлась православно-церковным учреждением, дела иных конфессий, исповеданий и деноминаций ей не были подведомственны. В целях верификации данного утверждения нами были изучены материалы фонда Томской духовной консистории в Государственном архиве Томской области [15], и этот тезис получил полное подтверждение.

Данные статистики метрических книг позволяют исследователю составить ретроспективное представление о численности и составе населения. На основании записи в метрической книге выдавалось метрическое свидетельство, являвшееся документом, имевшим юридическую силу и удостоверявшим, что акт о рождении, браке или смерти данного лица занесен в церковную книгу данного прихода. Православным и католикам метрические свидетельства выдавались только из консистории по соответствующему запросу частного лица либо администрации. Лютеране и раскольники получали свидетельства из полицейских управлений или губернских правлений, в зависимости от того, где хранилась метрическая книга. Евреям – выдавалось раввином, но удостоверялось

городской думой. Не обращаясь к бюрократическим инстанциям, православные и католики, в отличие от приверженцев иных исповеданий, могли получать выписи из метрических книг непосредственно сразу после совершения таинства от священника, после внесения записи в метрическую книгу. Однако юридическую силу такие свидетельства получали не иначе как по удостоверению его консисторией, «что представленная выпись оказалась верною с метрическою книгою, в консистории хранящеюся» [1. С. 204–205]. Особенную актуальность данный род документальных свидетельств приобрел в связи с массовыми миграциями рубежа веков и переменой гражданства: оптация начала 1920-х гг. осуществлялась на основании комплекса документов, включавшего в себя удостоверенные консисторией выписки из метрических книг о крещении, браке. Относительно бывших уроженцев западных губерний, а ныне жителей Сибири, помимо паспортных книжек, требовались также «метрические выписи о рождении и крещении» [16. Л. 7]. Если крещение было осуществлено в Сибири, для удостоверения консисторией направлялась запись местного прихода. Например, Ольшевский Иосиф Францевич, сын ссыльнопоселенцев, родившийся в Енисейской губ. Даурской вол. села Ачинского 26 февраля 1900 года, крещен был в Красноярске 10 апреля того же года ксендзом Иосифом Демикисом. Подтверждены также имена восприемников (крестных): Иван Воцлавчик и Анна Пазуровская [17. Л. 16]. Бортник Петр Викентьевич, уроженец деревни Подболотье Волковысского уезда Гродненской губернии, в момент обращения за метрическим свидетельством проживал с семьей в деревне Малиновка Салбинской волости Минусинского уезда Енисейской губ. Род занятий – хлебопашец. Дети его были крещены в Креславском филиальном костеле, «капланом Кс. П. Улицким со всеми обрядами и таинствами» [17. Л. 3].

Если же крещение было принято ещё в местах выхода, в материнских приходах, то туда направлялся запрос и ожидался стандартный ответ следующего содержания. Так, Пржиязненский костел прислал ответ, что 10 сентября 1887 г. ксендз капеллан В. Раковский «действительно окрестил Адама сына Феликса Эхильчика со всеми обрядами Св. Таинства». Этот документ явился юридическим удостоверением личности и подтвердил факт рождения, крещения и проживания человека на территории Пржиязненского прихода [18. Л. 211]. Регистрация актов гражданского состояния гарантировала репрезентативность фактов, ими удостоверяемых; метрические свидетельства

являлись бесспорным судебным доказательством. Юридическое удостоверение факта венчания, то есть заключения церковного брака, не могло быть оспорено. «...Брак начинается с момента совершения Таинства или обряда; само событие брака немислимо без участия священнослужителей, и все, что записывается ими в акт о браке, записывается на основании документов и собственного действия» [1. С. 205]. Относительно верификации записей о рождении и крещении не всегда ситуация представлялась однозначной. «В записи о рождении свидетельствуется о двух разных событиях – о естественном событии рождения и о церковном обряде крещения. Духовная власть дает непосредственное удостоверение только о последнем, а о рождении вносит запись в книгу, основываясь лишь на сделанных ей показаниях, причем самый способ принятия таких показаний в законе не установлен» [1. С. 205].

Такое положение вещей сохранялось в Российском государстве вплоть до 1917 г. Так как официальной государственной религией в России являлось православие, то именно постановления высших органов этого исповедания определяли государственную политику в данном вопросе. 2 июля 1917 г. на заседании Предсоборного совета Русской православной церкви князь В.Н. Львов заявил, что церковь должна внести изменения в законодательство о разводе в соответствии с требованиями государства, иначе говоря, легитимировать расторжение брака, совершенного путем венчания в церкви. На предложения ввести государственную метрификацию и фиксацию брачного состояния обер-прокурор ответил, что государство не располагает достаточными средствами для этих целей и, по его убеждению, эта сфера должна остаться в ведении церкви. «В будущем же, когда церковная свобода упрочится, из той области, где Церковь распоряжается вполне самостоятельно, должна выделиться область брачного права и регулироваться в государственном порядке, хотя эта область по-прежнему должна оставаться в ведении Церкви. В противном случае противоречие между церковными и гражданскими законами неизбежно» [19. С. 262].

Спустя непродолжительное время проблема метрикации была разрешена новой светской властью, без учета конфессиональных различий и иерархической подчиненности. Декрет Совета народных комиссаров «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» от 23 января 1918 г. предписал буквально следующее. «...9. Акты гражданского состояния ведутся исключительно гражданской властью: отделами записи

браков и рождения. ...13. Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют» [20. Т. 1. С. 371–374].

Однако и новая власть не отрицала важного культурного и статистического значения, которое имели метрические записи. «В последнее время участились случаи передачи Госторгу без ведома и разрешения архивных органов фондов закрываемых церквей, причем подвергаются уничтожению дела и книги, имеющие большую научную и библиографическую ценность», – говорится в письме Центрального архивного управления РСФСР краевым и областным архивным бюро, в связи с чем предлагается изъять из всех церквей архивный материал до 1918 г., то есть до момента отделения церкви от государства. Чтобы решить проблему хранения уже имеющихся в наличии коллекций церковных книг, по заданию Центрархива РСФСР от 25. 02. 1930 г. метрические книги были изъяты у религиозных объединений и переданы в местные областные и краевые архивы, где и хранятся до сегодняшнего дня. Совершенно очевидно, что именно метрические книги являются тем статистическим источником, который обладает достаточной репрезентативностью и заключает в себе огромный потенциал для исследования [21. С. 90–93].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Энциклопедический словарь* / сост. Ф.А. Брокгауз, И.А. Эфрон. Т. XIX. СПб.: Типо-Литография И.А. Эфрона, 1896.
2. *Лиценбергер О.А.* Применение норм семейного права Римско-католической церкви в Российской Империи // *Религия и право*. 2003. №1. С. 34–37.
3. *Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания* / сост. Т. Барсов. Т. I. СПб.: Синодальная типография, 1885.
4. *Encyklopedia kościelna podług teologicznej encyklopedji Wetzera i Weltego, z licznemi jej dopełnieniami przy współpracownictwie kilkunastu duchownych i świeckich osób* / Wydana przez X. Michaia Nowodworskiego. Tom XIV. Warszawa: W Drukarni F. Czerwicckiego i S. Niemiery, 1881.
5. *Государственный архив Новосибирской области (ГАО)*. Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 780а.
6. *Государственный архив Омской области (ГАОО)*. Ф. 348. Оп.2. Д.14. Л. 28.
7. *ГАОО*. Ф. 348. Оп. 2. Д. 27. Л. 24.
8. *ГАОО*. Ф. 348. Оп. 2. Д. 17. Л. 80.
9. *ГАОО*. Ф. 348. Оп. 2. Д. 21. Л. 82.
10. *Государственное учреждение Тюменской области, городской архив г. Тобольска (ГУТО ГАТ)*. Ф. 156. Оп. 30. Д. 37.
11. *ГУТО ГАТ*. Ф. 156. Оп. 30. Д. 54.
12. *ГУТО ГАТ*. Ф. 156. Оп. 30. Д. 57.
13. *ГУТО ГАТ*. Ф. 156. Оп. 30. Д. 53.
14. *ГАОО*. Ф. Д – 156. Оп. 1. Д. 1178.

15. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 170. Томская духовная консистория Святейшего Правительствующего Синода, 1834–1861–1919.

16. ГАО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 741.

17. ГАО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 147.

18. ГАО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 150.

19. *Белякова Е.В.* Церковный суд и проблемы церковной жизни. Дискуссии в православной российской церкви

начала XX века. Поместный Собор 1917–1918 гг. и предсоборный период. М.: Христианская Россия, 2000.

20. *Декреты Советской власти.* М.: Политиздат, 1957.

21. *Мамонтова Е.А.* Метрические книги ГАО: подходы к созданию научно-справочного аппарата // Новосибирская область в контексте российской истории. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2001. С. 90–93.